

Константин ПОЛИВАНОВ

«...Негатив Вифлеемской звезды...» К возможной интерпретации одного стихотворения Иосифа Бродского*

К. Л.

Покидаешь мои небеса.
И один оборот колеса
их приводит в движенье.

Я открытию рад.
И проселок сужается, взгляд
сохранив от суженья.

Чем дорога длинней,
тем суждение уже о ней.
Оттого страстотерпца

поджидает зимой торжество
и само Рождество
защищает от сжатия сердца.

Тихо блеет овца.
И кидается лайка с крыльца.
Трубы кашляют. Вот я и дома.

И, картавя, кричит с высоты
негатив Вифлеемской звезды,
провожая волхва-скопидома.

Декабрь 1964

Как следует из заглавия стихотворения «На отъезд гостя» (1964), поводом к написанию скорее всего послужил отъезд какого-то вполне конкретного гостя, который навещал автора в ссылке в Архангельской области. Оборот колеса — отъезжающая машина, увозящая гостя, и возвращение провожавшего к дому, где его встречает собака (лайка) и он слышит блеяние овцы.

* Впервые: НЛЮ. 2000. № 45. Печатается по этому изданию.

Рядом с темой «отъезда гостя» присутствует тема Рождества, которое названо напрямую в середине стихотворения, в конце упомянута Вифлеемская звезда, связь стихотворения с Рождеством подчеркнута и датой написания — декабрь 1964 года.

Обратим внимание, что благодаря появлению рождественской темы, первая же строка может быть прочитана и как метафорическое обращение к отъезжающему гостю, типа «покидаешь мои края» (кстати, возможно, здесь обыгрывается и допустимое в этом контексте выражение «мои палестины»), и как слова Бога Отца, обращенные в дни Рождества к Богу Сыну, сходящему на землю.

В стихотворении очевидно присутствует и опора на вполне классическую поэтическую традицию.

С одной стороны, соединение образов дороги и звезды (хотя бы и Вифлеемской) с мотивом одиночества (в котором оказывается лирический герой после «отъезда гостя»), сопровождающееся появлением слов «небеса» (в 1-й строке) и «торжество» (в 10-й), не может не вызывать ассоциаций с «Выхожу один я на дорогу...», где далее, как мы помним, «в небесах торжественно и чудно».

С другой стороны, эта же тема пути в соединении с зимой и все тем же «торжеством» напрашивается на привязку к еще одному, не менее классическому подтексту — на этот раз пушкинскому — «Зима. Крестьянин торжествуя, на дровнях обновляет путь...» (а через него и к «Зимней дороге»?).

Обоих поэтов прошлого столетия, кроме темы пути, могла для Бродского в 1964 году объединять их «ссылность». Тем более что местом ссылки Бродского в Архангельской области был колхоз «Светлый путь». Здесь «высокие» литературные подтексты сплетаются с близким и сугубо советским. Таким образом, и «страсто-терпец» может обозначать как самого ссыльного автора, так и его предшественников — ссыльных поэтов, так, наконец, и Того, Кому предстояли самые мучительные страсти после Рождества — сошествия с небес на землю — а вскоре после Рождества предстояло бегство в Египет — также вариант ссылки.

Итак, мы наблюдаем возможность чтения стихотворения как в ключе самого приземленного и иронического разговора о современности — ссыльный поэт в колхозе «Светлый путь», так и в не менее, вероятно, ироничном плане сопоставления судьбы поэта с судьбами его великих предшественников (причем «отъехавший гость», наверное, ассоциируется еще и с И. И. Пушиным).

Но советский слой, как нам представляется, не исчерпывается добавлением к мотиву дороги дополнительного значения. Что может означать один из последних образов стихотворения — «негатив Вифлеемской звезды», который, «картавя, кричит с высоты»?

Рискнем предположить, что негативом знамения рождения Христа, негативом одного из главных символов Рождества (с которого, напомним, начинается новое летоисчисление) может быть назван памятник Ленину. Памятник, который, вероятно, и указывал рукой направление в «светлый путь» или же стоял на дороге, по которой удалялся гость, по метонимии с «негативом» оказавшийся не волхвом-дарителем, а «волхвом-скопидомом».

Памятник Ленину может быть связан с вышеназванными подтекстами стихотворения не только мотивом «пути», но и все той же ссыльностью: вспомним, какое место в мифологизированной биографии основателя советского государства отводилось его ссылке в Шушенское. Негативная связь Ленина с Рождеством могла бы основываться, например, на том, что 1917 год претендовал на роль новой точки отсчета человеческого летоисчисления.

Отметим, что ссыльность сближала Ленина не только с поэтами — Бродским, Пушкиным и Лермонтовым, но и с Христом: позже Бродский по крайней мере дважды обращался к сюжету бегства в Египет.

Однако для иронического сближения себя с Лениным у Бродского могла быть и еще одна причина — поэт «картавил».

Таким образом, нам представляется, что Бродский создает шутивно-ироничное стихотворение, где через серию сближений от Христа до Ленина, через Пушкина и Лермонтова рассматривает свое собственное положение в мире и истории, Советской России, в русской поэзии.

